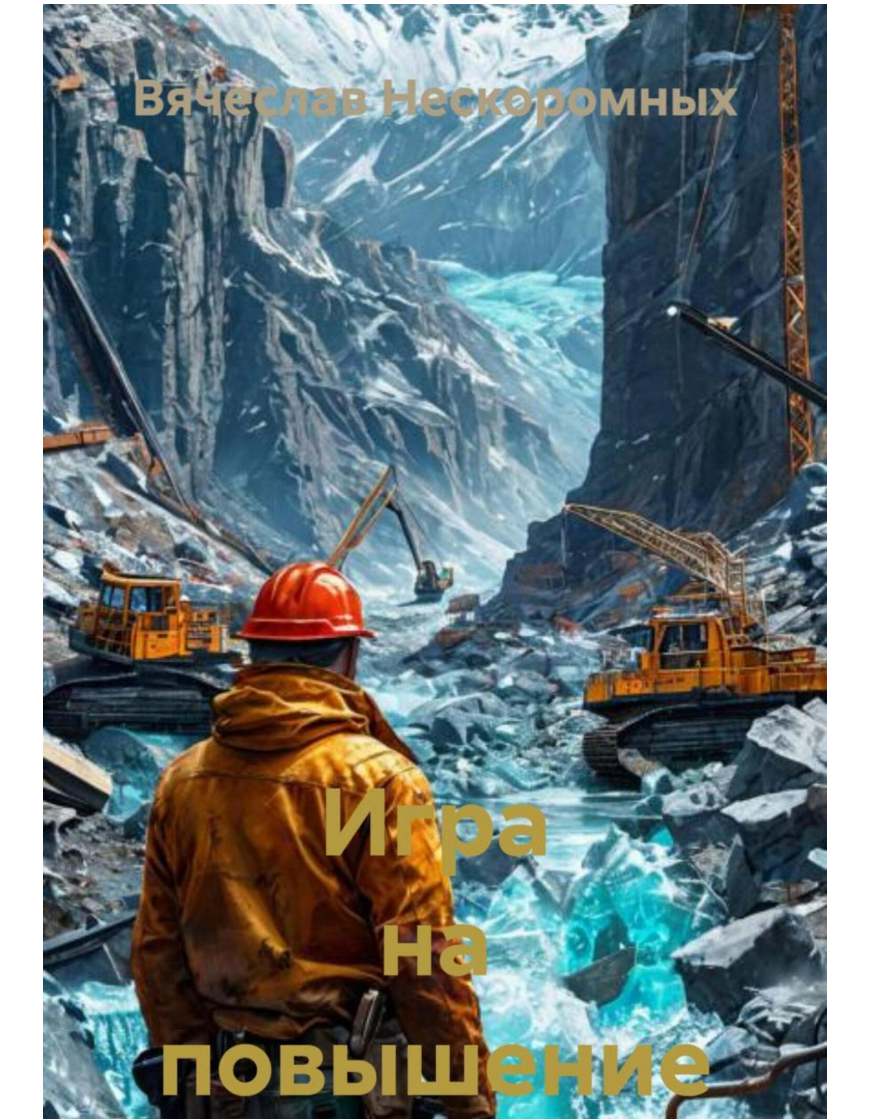

Вячеслав Нескоромных

Игра
на
повышение

Вячеслав Васильевич Нескоромных

Игра на повышение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72705529

SelfPub; 2025

Аннотация

Повесть о событиях в крупной горно-геологической компании добывающей алмазы. Случившаяся авария на шахте, мучительная смерть нескольких горняков заставляет остановить производство и задуматься о целесообразности таких рисков. Акции компании идут вниз и исполнительный директор компании Стас Каменев придумывает и реализует рискованную операцию по повышению упавшего доверия и стоимости акций крупного бизнеса.

Вячеслав Нескоромных

Игра на повышение

ПРОЛОГ

Алмазы – бесцветные, иногда окрашенные гранулы «битого стекла», тверже и краше которого не создавала Вселенная.

Эти качества и дают невероятные очарование, востребованность и привлекательность. При взгляде на осколки добытого твердого прозрачного минерала возникает чувство, что это разбитый в невероятном гневе небожителей фужер обрушился осколками на Землю, одарив избранные уголки планеты своим сиянием.

И действительно, существует персидская легенда, которая гласит: *«В начале творения Бог создал прекрасный, чистый, гармоничный мир для первых людей. Для его сохранения он поставил божественную защиту – твердь небесную. Но коварный Дух проник в этот совершенный мир, осквернил его и разрушил божественную защиту. Ее осколки упали на землю, превратившись в алмазы, которые не потеряли присущей им божественной энергии защиты и помощи. И с тех пор они служат напоминанием о совершенном мире и проводником к нему».*

Теперь же человеку ничего не остается, как поднимать

найденные осколки тверди небесной, как подаяние.

***DIROSA* – ПУТЬ КАМЕНЕВА**

Станислав Каменев, исполнительный директор компании *DiRosa – Diamond Russia-Sacha* собрал экстренное совещание со своими помощниками на одном из последних этажей Башни Восток-Федерация.

Из окон башни можно было увидеть раскинувшийся во все пределы город, утопающий в зелени парков и скверов, опутанный артериями сверкающих в ночи транспортных потоков, Кремль и весь центр Москвы, возвышающиеся вокруг башни-громады из стекла и бетона центра Москва-Сити.

Ожидая, когда приглашенные на совещание соберутся и рассядутся по местам за обширным столом, Каменев оглядывал, вероятно, уже в тысячный раз Москву, укрытую теперь покрывалом облачного неба, и гасил в себе зреющее, как зубная боль, раздражение, возникшее еще утром по поводу известий с одной из шахт компании. Хотелось сразу собрать всех после полученных новостей и принять оперативные меры, но, следуя выстраданному правилу выждать и все изначально проанализировать, отложил совещание на вторую половину дня, с тревогой ожидая все более тяжких известий из Мирного, из шахты близ карьера «Мир».

Станислав Олегович Каменев являл образ состоявшегося руководителя, который изведal многое, пройдя основатель-

ный путь от горного мастера на горнодобывающих карьерах до руководителя горного предприятия и заместителя руководителя компании с капитализацией в триллионы рублей.

Как говорили частенько на официальных встречах разного уровня руководители и политики, сдержанно кивая головами в сторону Каменева: «Сделал себя сам».

А чего это стоило – сделать себя самому в эпоху распадающихся принципов, когда с улыбкой и пустыми глазами встречают, а, используя, получив желаемое, вскоре провожают, цинично цедя сквозь зубы: «Ничего личного, просто бизнес».

В былые времена было меньше цинизма, но проще точно не было: жесткая партийная дисциплина и большевистские, с надрывом психики методы руководства довольно часто ломали людей. Помнил Каменев, как пришлось участвовать в похоронах генерального директора геологического объединения Боброва, застрелившегося после визита по срочному вызову в Министерство.

В беседах в полголоса на поминках проступили очертания свершившейся трагедии. Как оказалось в центральной печати появилась статья о том, как геологи объединения используют выделенные им для работы вертолеты в качестве средства браконьерской охоты, отстреливая дикую живность с винтокрылых машин. Сказывали: отхлестал министр своего подчиненного, орденоносца и лауреата, этой самой газетой по лицу. Отхлестал, грубо обматерил прилюдно и отпра-

вил назад в сибирский город исправлять безобразие, как нашкодившего мальчишку. Вышло так, что не вынес такого позора заслуженный и уважаемый коллегами человек: вернувшись из столицы свел счеты с жизнью, применив наградной пистолет по прямому назначению.

При Сталине порой шутили руководители высокого уровня: «Получил в награду именной пистолет, знать придет и твой черед делать выбор». Но это при Сталине, в период «железных» методов управления, но теперь, в период конвульсий империи под лозунгом «Социализм с человеческим лицом» выглядело самоубийство и все, что ему предшествовало, действием из залежалого на полке истории сценария прошлой эпохи. Но человека, – Дмитрия Боброва, – замечательного умного человека, стоящего специалиста, первооткрывателя и наставника было жаль до жутких спазмов в горле, до ледяющего душу чувства огромной несправедливости.

Каменев также помнил эпизод из своей жизни в период работы в золотодобывающей компании, когда пришлось возвращаться с рудника на подвернувшемся вертолете геологической партии. МИ-4, – старенький, с закопченными выхлопом бортами, подобрал его, плюхнувшись неожиданно на площадку у городка горняков. Каменев вторые сутки не мог отбыть с рудника, а тут сразу вертолет вне расписания и именно в нужный ему пункт назначения. В вертолете шумно отмечали что-то несколько добротнo одетых упитанных мужчин. Стараясь перекричать шум винтов, отовравшиеся от ка-

бинетов руководители произносили простые и емкие мужские тосты, весело закусывали московскими деликатесами. Когда натужно прошли перевал и вертолет пошел над тайгой, вертолет снизился над кронами лиственниц. Двое из компании стали высматривать в открытую дверь мечущееся по редколесью зверье, балагуря и то и дело возвращаясь к ящику с выпивкой и закуской. В салоне стало холодно, и Каменев наблюдал, прикрыв лицо воротником шубы, как выцеливают стрелки беззащитную на снегу живность и бьют раз за разом в азарте погони, шумно празднуя каждый прицельный выстрел. Каменев не видел цели стрелков, а когда, подобравшись к проему двери глянул вниз, то смог разглядеть в круговерти снежной пыли последнего из выводка крупного волка, – вероятно вожака. Тот в снежной круговерти от винтов вертолета падал, кувыркался, но снова упорно вставал на лапы и смотрел вверх на недостигаемого врага, изрыгающего смерть, и сверкая глазами скалился, пытался снова и снова кидаться на огромную страшную стрекозу, но вновь беспомощно валился в снег опрокинутый воздушным вихрем. В отдалении Каменев увидел тела убитых ранее и припорошенных снежной выюгой волков. Но вожак был еще жив и отчаянно скалясь кидался на врага, пытаясь мстить за убитых и спасая себя.

– Оставь его! – прокричал Каменев и отвел дуло ружья в руках у мужика в мохнатой шапке и белом армейском полушубке.

Выстрел грянул, но был не точным, и волк остался цел.

— Ты, че, мать твою, — выругался мужик и зло глянул на Каменева красными от выпитого, утонувшими в складках припухшего лица, глазами.

— Зачем вы так? Ведь ради забавы гробите живность! Так у нас не делают! — Каменев смотрел прямо в глаза мужика, бросая вызов, уже понимая, что компания горе-охотников никакого отношения к геологам здешней экспедиции не имеет.

Оппонент Каменева усмехнулся и велел закрыть дверь вертолета. Вертолет стал набирать высоту, а охотники продолжили пировать, живо обсуждая поведение зверей, настигнутых вертолетом, то и дело поглядывали на Каменева.

И вот теперь, когда хоронили отличного мужика, профессионала, геолога от бога, уверенного всегда в себе и своих коллегах Дмитрия Боброва, вспомнил Каменев и того отчаянного волка и пристальный взгляд пьяного охотника.

Уже позднее узнал Каменев, что не геологи так безобразно охотились на волков, а приезжие члены комиссии из того самого министерства.

Каменев, выросший на таких вот примерах чести и ответственного отношения к делу, которые были частью профессионального кодекса, чувствовал себя чужим в компании «отцов и дедов», ухвативших государственный бизнес в момент распада империи. Теперь подтянув к делу сыновей, наследующих систему приватизированного госзаказа, от кото-

рого порой оставался лишь унылый след в слабо обеспеченных государственных проектах, обустроивали заморские хоромы и смотрели на мир через тонированные стекла элитных авто.

Оставаясь чужим для складывающейся среды элиты бизнеса, Каменев держался на своем авторитете крепкого профессионала, инженера земных недр от бога, человека, способного совершать энергичные, выверенные поступки в любой экстремальной ситуации.

Девизом Каменева был выработанный им призыв: «То сделано верно, что сделано вовремя».

Свой дерзновенный путь Каменев начал еще в пору начала трудового пути, когда беспечным, необремененным тяготами жизни юнцом он осваивал работу горного мастера на золоторудном руднике в верховьях Алдана среди людей с тяжелыми кулаками и мало уживчивыми характерами. Случилось так, что везли наспех пробитой среди скал дорогой с рудника десятков вахтовиков и добытое артелью золото. Каменев, отбив безвылазно на руднике три месяца активного летнего сезона, выбрался в Алдан передохнуть. Вахтовиков сопровождал главный геолог треста золотодобычи Устюгов, под началом которого и везли золото для отправки на аффинажную фабрику.

Груженная вахтовка тяжело, но уверенно преодолевала уклоны, неспешно обруливала, ворча, валуны на дороге, таранила бампером броды шумных рек и ползла медленно, но,

верно, по склонам алданских гор к цели среди редколесного высокогорья. Устюгов сидел в кабине с водителем, по праву начальства, а остальные тряслись в будке вахтовки: кто-то живо обсуждал предстоящие выходные, другие дремали. Два ВОХРовца сидели впереди, рядом с увесистым железным ящиком и держались особняком, исправно несли службу, охраняя добытое за лето золото.

Каменев подремывал у окна, из-под опущенных век приглядывал за рабочими, которым вольница уже раздувала душевные «меха» и вела помыслы в том направлении, чтобы непременно отметить шумно и с выдумкой грядущие выходные.

Водитель вахтовки, добродушный Семен Игнатьевич, опытный шофер с сорокалетним стажем езды по проселкам, перевалам и буеракам, уверенно тянул свой натруженный агрегат в подъем и умело спускался с кручи, сдерживая многотонную машину от порыва сорваться с уклона. Игнатич привычно держал баранку и перекидывался с начальством фразами за жизнь, и тоже строил планы на время пребывания на базе. И все бы ничего, но с утра ныло сердечко у Семена Игнатовича, и если ранее, после таблетки под язык, сердце успокаивалось, боль неспешно уходила и пряталась где-то далеко внутри, как затаившийся на время в норке зверь, то нынче даже вторая и третья таблетка нитроглицерина не дали должного эффекта. Семен Игнатович терпел, ждал, и, когда, казалось, боль стала гаснуть, вдруг побледнел

белым полотном и ткнулся головой в тяжелый руль грузовика. Машина, более не управляемая умелой рукой, пошла по дороге вниз, набирая ход, и вот-вот должна была сорваться со скалы, под которой далеко внизу гремела говорливая горная река. Устюгов только и успел рвануть руль в сторону от обрыва, и тяжелая вахтовка, ударившись бампером в камень, вывороченный при сооружении дороги, потеряла ход и повисла над обрывом. Сила гравитации упорно тянула тяжелый передок грузовика вниз, и, качнувшись, вахтовка теперь балансировала, выбирая для себя или короткий путь в реку со скалы, или нелепое висение на краю дороги со свесившимися над пропастью колесами.

В будке вахтовки началась паника: горняки, расслабленно дремавшие, ошалев рванулись в сторону кабины, чтобы через боковую дверь выскочить наружу. Активное перемещение сместило центр тяготения, и машина стала решительно крениться в сторону обрыва. Два остолбеневших от ужаса ВОХРовца сидели у кабины в полном оцепенении, и только Каменев, вдруг мгновенно осознав всю гибельность ситуации, не громко, но четко и с угрозой в голосе произнес, глядя в упор на запаниковавших пассажиров:

– Всем назад, мать вашу, в самый конец кузова, быстро! Сидите тихонько, а иначе свалимся со скалы! И вы пошевеливайтесь! – уже повышая голос до звона, накинулся Каменев на ВОХРовцев, которые беспокойно оглядывались, не решаясь покинуть насиженный пост у ящика с золотом.

Спокойно сказанное Каменевым возымело действие. Рабочие отошли к задней стенке будки вахтовки и расселись у заднего борта. Охранники, оглядываясь испуганно на Каменева, также последовали за ними. Машина перестала клониться вниз в сторону обрыва, и Каменев, вспомнив о тех, кто был в кабине, глянул через стекло, пытаясь разобраться, что же там стряслось. Устюгов был в более сложном положении. Ему выбраться из кабины было непросто – передняя часть вахтовки нависала над обрывом. Но, все же открыв дверцу и перебравшись через кабину на крышу вахтовки, Устюгов спустился на дорогу позади машины.

– Тросом нужно машину привязать к дереву! – вдруг сообразил кто-то из рабочих и показал на трос, что лежал свернутый кольцом на полу вахтовки.

– Сейчас подам, – ответил ему Каменев и выбросил трос из вахтовки через заднее, наспех разбитое окно.

Устюгов тут же закрепил трос за крюк вахтовки и потянул другой конец к высокому золотистому стволу высоченной сосны, что росла над дорогой на косогоре. Троса хватило, чтобы обвить ствол и закрепить петлей. Теперь нужно было лучше натянуть трос, чтобы вахтовка не сорвалась, и Устюгов позвал бригадира горняков помочь ему. Тот выбрался, покосившись на Каменева, – мол, начальник зовет, идти надо. Каменев кивнул ему, давая добро. Выходило, что Каменева, несмотря на молодость, опытные, тертые жизнью мужики выдвинули негласно во главу попавших в сложней-

шую ситуацию людей.

Устюгов с бригадиром надежно закрепили трос, вытянув его до предела, и только тогда дали отмашку горнякам аккуратно, без спешки вылезать из машины. Когда все уже были на дороге, вдруг вспомнили про золото. Устюгов, глядя глазами, полными отчаяния, обратился к Каменеву:

– Станислав Олегович, нужно как-то ящик с золотом достать, а вдруг машина сорвется со скалы.

– Теперь уже не сорвется, коли закрепили, – спокойно ему ответил Каменев, – и, строго оглядев горняков, продолжил:

– Надо бы Игнатичу помочь. Ему самому не выбраться. Давайте так: чтобы вахтовка не рванула вниз, нужно на «корму» этого «корабля» навалить камней через окно. Потом сможем пробраться и достать водителя уже без проблем.

Горняки, получив четкие указания, закивали, соглашаясь, и дружно взялись таскать камни с обочины дороги, вывороченные бульдозером. Под весом камней вахтовка увесисто присела на заднюю ось, и теперь уже двое – Каменев и крепкий молодой парень перебрались к кабине, и Каменев забрался внутрь. Очень скоро стало понятно, что Семен Игнатьевич уже умер. Уткнувшись лицом в руль, который он держал более сорока лет в своих натруженных крепких руках, старый шофер уснул вечным сном: не вынесло сердце тягот беспокойной жизни, ночевок у костра в стужу, тяжких ремонтов в любую погоду, долгих маршрутов по лесным, полных неопределенности, таежным дорогам Сибири и Якутии.

Из той страшной ситуации, что случилась на дороге, выбрались без потерь, если не считать умершего водителя вахтовки, чья смерть и стала причиной происшествия. Для Каменева это событие стало определяющим: Устюгов, вернувшийся в контору треста, честно и в красках рассказал о происшествии и роли Каменева в спасении людей и добытого золота. Молодого горного мастера заметили, наградили премией и продвинули, а когда генеральный директор засобирался по приглашению в алмазодобывающую компанию, взял с собой пару своих людей и приглянувшегося ему Каменева, помня о его крепком характере и высоко оценивая увлеченность делом и высокий профессионализм.

Теперь в свои неполные сорок пять Каменев был знающим и умелым организатором и управленцем, прекрасно владел ситуацией на рынке алмазного сырья и разбирался в хитросплетениях биржевых махинаций. При этом за два последних года капитализация *DiRosa* выросла на треть. Наблюдательный совет компании во главе с Глебом Платовым, ставленником самого Президента, отметил, что рост капитализации во многом заслуга исполнительной власти компании во главе с Каменевым. Рост капиталов стал возможен после череды смелых решений, позволивших открыть разработку ряда новых месторождений в стылой земле Якутии, на побережье Белого моря, заполучить лицензии, оттеснив монополиста *De Beers*, на отработку россыпей в Африке и активно развернуть производство по сложнейшей высококлас-

ной огранке алмазов. Последнее в череде свершений было многотрудным и совершенно неведомым для компании делом. Но Каменев нашел подходы и таясь, используя связи тайной дипломатии, умело расставив сети, увлек-таки, поначалу непреклонных индусов, поделиться секретами мастерства, предложив подготовку и стажировку для десятка специалистов из *DiRosa* за достойное финансовое вознаграждение.

Все эти решительные и умелые решения и действия позволили догнать и в конце концов обойти по уровню добычи алмазов давнего конкурента в лице южноафриканского монополиста *De Beers* и потеснить игроков на рынке бриллиантов.

Это была победа, о которой трубили около полугода мас-медиа, а руководство компании в полном составе принял Президент, спешно подписавший ряд указов о наградах. Не обошла она и самого Каменева, представленного к ордену «За заслуги перед Отечеством».

Каменев вырос в далеком поселке при горно-геологическом комбинате среди тайги и, выбрав для себя понятный с детства путь в жизни, стал горным инженером. Каменева в годы поиска самого себя в жизни привлекло то, что горный инженер для России в период промышленного развития прошлых веков был деятелем системного плана. На плечах горных инженеров лежали заботы по освоению огромных сибирских просторов, богатых не только зверьем, но и несчи-

танными богатствами недр.

За достаточно короткий срок молодой горный инженер за активную новаторскую деятельность и умелое решительное руководство был замечен директором компании и превратился в незаурядного руководителя. Каменев умело и осознанно делегировал разнообразные полномочия узким специалистам, которых тщательно подбирал, и следил за их работой, не спуская глаз, задавал помощникам новые амбициозные высоты, стимулировал творческую активность молодых спецов, планируя только ему понятную траекторию их личного развития. Так, выстраивая работу, подобно муравьиному царю, по крупинке подбирал Каменев тщательно кадры и за два года в должности исполнительного директора собрал активный, задорный и очень амбициозный коллектив помощников, деятельность которых напоминала восхождение к заоблачной и едва видимой вершине в единой альпинисткой связке.

Вся жизнь Станислава Каменева прошла в бесконечной гонке за достижениями и возможностью развиваться, в стремлении не отстать и быть нужным и востребованным. Каменев был подтянут, увлекался спортом, горными хребтами и каньонами сплавных рек, практикуя фрирайд со склонов камчатских вулканов, гор Кавказа или Альп и сплавы по горным рекам, зажатым тесниной скалистых отрогов. В рабочие будни походы в тренажерку игнорировал, все более в выходные дни, отправляясь за город, бегал по лесным тро-

пам, любил погонять мяч в команде любителей, в работе в кабинете не засиживался, выискивая повод поехать на объект, поговорить с людьми, творящими дело без перекуров и пустой трескотни.

Внешность Каменева не подвела: русые волосы с мальчишеской челкой и вихрами над симпатичным, казалось простым лицом, на котором уже проявились следы сильного характера. Светлые, как вода горной реки, глаза смотрели уверенно и прямо на любого собеседника, но легкая улыбка, всегда делала лицо открытым для общения.

Увлечение экстримом проявлялось и в работе: Станислав любил рисковать и порой принимал острые, не всегда в деталях продуманные, но подкрепленные интуицией и ориентированные на прорыв решения. И ему практически всегда везло, и росла уверенность, помноженная на растущий с годами опыт.

– Везет тому, кто везет, – любил повторять Каменев и после очередной производственной встряски еще более решительно и смело отдавался делу, внедряя новые решения и ломая сложившиеся, не способствующие развитию традиции. При этом, все более детально осваивая производство, Каменев ощущал возрастающий диссонанс: струны его души звучали порой вразнобой. С одной стороны, бизнес рос и кормил достаточно обильно, под рукой всегда были огромные средства и растущие возможности. С другой стороны, сам бизнес выглядел все более архаичным и, по существу,

несколько бестолковым занятием на потеху избалованных жизнью сильных этого, так нерационально устроенного мира. Убеждение это укрепилось после экскурсии в лабораторию искусственных алмазов, в которой щуплые смешливые девчонки в белых халатиках, тщательно пригнанных по фигуре, неспешно ковали столь нужные производству алмазные порошки и алмазные зерна, изготавливали изделия из неведомых до сего поликристаллических алмазов.

Запомнился Каменеву легкомысленный, из уст манкой Мерилин, призыв к мужчинам раскошелиться: «*Diamonds are a girl's best friend...*». И если когда-то это звучало, как легкая шалость красавицы, теперь он раздражался, когда пришло истинное понимание, какой ценой достаются прекрасные камни, годные только для того, чтобы тешить людское самолюбие.

В личной жизни отношения с женой были поставлены на паузу.

«*Первая любовь была слепа, первая любовь была как зверь...*» – студенческий брак был мало осознанным, страстным, чрезвычайно чувственным, свалился на голову как ливень посреди ясного солнечного неба. Но настоящая семья не сложилась, ведь, как известно, браки совершаются на небесах. Как только «угар» страсти поутих и от прикосновений уже перестало трясти плоть, оказалось, что молодые люди далеки друг от друга по ментальности. Но терпели друг друга, до поры пока растили сына, а длительные команди-

ровки не давали вызреть усталости до критических размеров.

После окончания института, когда Каменев окунулся в бесконечные мало устроенные в быту командировки, жена предпочла осесть в городе у родителей, и каждый приезд и отъезд Каменева были наполнены неловкостью, ощущением бесконечной вины и грядущего несчастья.

После назначения Каменева на высокую должность все поначалу переменялось, но багаж отрицательных эмоций и взявшаяся ниоткуда обида душила свободное проявление чувств, и только сын сдерживал семью от окончательного распада. Супруги отдалились, отметив нежелание проводить свободное время вместе после двадцати лет брака, и, как только сын закончил лицей и отправился учиться в крупный столичный университет, тихонько разъехались. Каменев остался в городской квартире в центре Москвы, а жена переехала с его согласия в загородный дом, окружив себя подругами и сворой декоративных причудливо стриженных собачек. Теперь, сторонясь лишней раз пересекаться, вспоминали друг о друге в дни рождения – своих и сына. Встретившись в узком кругу, критически оглядывали друг друга, отмечая накопившиеся изменения во внешности покачиваниями головы и поджатыми губами.

Каких-либо волнений и чувств относительно их бывшего супружества уже не ощущалось. Внутренний нерв близких и волнующих когда-то отношений не пульсировал, не давал

повода для тревоги и беспокойства.

— Вот как бывает, — размышлял Каменев, — время не сближает людей, находящихся рядом, а разделяет, если сразу не сложилось ровно, без зазора. Вот была маленькая трещина непонимания, а с годами выросла до размеров пропасти, словно время — беспокойная вода, разъела брешь до размеров прорехи. И чудно это — когда-то близкий человек воспринимается еще более чужим, чем до брака.

Жена никак не воспринимала увлечения Стаса и отчего-то в последние годы совместной жизни, получив реальный достаток, ревновала мужа к карьере, бесконечным поездкам, сама не предпринимая, собственно, никаких попыток как-то себя реализовать, стать ближе. При этом супруга нещадно ревновала Стаса к его окружению, в котором всегда были молодые и красивые женщины. И, в общем-то, она была права. Находясь порой сутками в офисе, мотаясь по подразделениям компании, Стас позволял себе вольности, стремясь вернуть остроту ощущений полноты жизни, когда рядом оказывалась молодая и податливая особа. Было время, он не особо разбирался, кто рядом с ним встречает новый день и лежит ли к ней душа: решало наличие подтянутой фигуры, красивого ухоженного личика и некой задорности в поведении, за которым читалось заочное разрешение на тесный контакт. Было в этом что-то экстремальное, как решительная гонка по извилистой горной дороге, когда не знаешь, что же ждет тебя за новым поворотом и крутым подъемом.

Добившись развития огромной компании с ее «грязным» хлопотливым и опасным производством, Каменев мечтал изменить облик фирмы, придав ей современный хайтековский блеск, опрятность IT-технологий, надежность и безопасность. Как можно было преобразовать ткань сложившегося веками дела с громадами многотонных, лязгающих день и ночь машинами, разрушительной энергией взрывных работ и тысячами простых работяг, оставляющих за скромные зарплаты свое здоровье в шахтах и карьерах, представить было сложно.

Как-то в разговоре со старым своим товарищем, многие годы осваивающим горные пределы Отечества, Каменев обронил фразу о своем видении перспектив. Товарищ недоуменно пожал плечами и, будучи человеком, острым на язык, поведал:

– Это все равно, Стас, что из перьев павлиньего хвоста сделать метелку и выметать помет из сарая: ни смысла, ни пользы. Дело наше построено на грязи, пыли и преодолении реальных тягостей, и от этого не уйти. И потом, коли упадок в отрасли, нет желания молодых осваивать эту профессию, это не значит, что горный уклад виноват. Как говаривал мой дед, у жопы округлые очертания, но совершенно может быть несносный характер. Но нам порой невдомек, что характер несносный на самом деле у желудка, а попа лишь проводник неприятных извержений.

– Это, конечно, мощное сравнение, прямо-таки убий-

ственный афоризм, Витя, но, знаешь, прошло то время, когда за рубль отдавали жизнь и здоровье. Теперь мало кто на это готов. И с этим нужно считаться.

Каменев помнил первое свое впечатление и во многом жил тем вдохновением и восхищением, когда, стоя на борту уходящего в глубину планеты на сотни метров огромного, живущего по своим законам карьера, наблюдал процесс добычи рудной массы.

Он видел, как натужно, чадя густым выхлопом, тянулись вверх по серпантину огромные перегруженные *Kamatsu*, *Caterpillar*, БелАЗы. Навстречу им сбегали такие же, но порожние, соблюдая строгий график перемещений, аккуратно спускались к раздаче дорогостоящей горной массы у snоровистых экскаваторов. Его восхищал процесс взрывания горной породы, огромного массива, когда бегущая с мгновенным замедлением цепь всполохов-взрывов сливалась в единый, продолжительный гул и многие десятки тысяч тонн породы взбухали, как бы пропуская к свету растущие после дождя подземные грибы, и по карьере гулом отдавалось эхо вселенского погрома. Грандиозность, масштаб действия завораживали, рождали в душе восхищение от причастности к впечатляющему своим масштабом и мощью разрушения процессу.

В душе Каменева в эти минуты появлялась гордость за себя, за коллег, за компанию, что вершила такую грандиозную работу слаженно и умело, подчиняя мерзлоту, крепость по-

род, суровый климат далекого пустынного региона своим интересам. В голову приходило: все нам нипочем и все мы преодолеем. В эти минуты он представлял себя во главе многочисленного войска, которое послушно преодолело высоченный перевал и, подчиняясь его воле, было готово бить врага.

А затем, уже в цехе по извлечению алмазного сырья, когда, пройдя длительный путь дробления, расщепления, распознавания и извлечения, на свет появлялись кристаллы самой различной формы и размеров, отчего-то Каменеву становилось грустно, ибо конечный результат по объему и форме мало сочетался с великим и даже грандиозным процессом горного производства.

«Гора родила мышь», – приходило в голову, но он уходил от ответа самому себе, почему именно так он оценивает конечный результат столь грандиозных усилий тысяч людей и могучей техники.

Действительно, десятилетия работы геологов на огромных просторах тундры и тайги, труд горняков и миллионы кубических метров извлеченной горной массы давали порой не более пригоршни алмазов, среди которых основная часть годилась лишь для технического использования. Если к этому всему горному циклу прибавить и учесть живущий на краю карьера и обслуживающий добычу город, сотни подсобных предприятий, свою аэрокомпанию и речной флот, выстраивалась странная иерархия гигантских усилий, затрат и утрат человеческих жизней с конечным продуктом

этой каждодневной битвы за кристаллы, созданные природой планеты Земля.

Задача по преобразованию компании была абсолютно необычной, противоречивой и, прямо скажем, революционной, и, как говорил сын Каменева, студент мехмата Артем, нетривиальной и свежей до озноба.

Каменев ощущал еще не остывшим с возрастом своим сознанием ритм и вибрации современного мира и понимал, что проходит время ломовых технологий, когда все нужно тянуть от пупа, от хребта, дыша смрадом и пылью грохочущих забоев, рисковать здоровьем и жизнями людей в унылых, как преисподняя, штреках и стволах. Это стало особенно ясно с тех пор, как научились в стерильных лабораториях производить искусственные алмазы, сразу уронив уникальность алмазного сырья с космических высот до обыденной экзотики, до дорогущего ширпотреба. В этом научном прорыве, который показал, что алмазы, это всего-то иная форма расположения атомов углерода, способная быть графитом или просто каменным углем.

А еще казалось Каменеву, что алмазные гранулы, из которых так умело столетиями изготавливают сверкающие бриллианты, этикие благородные знаки богатства и роскоши, должны ассоциироваться с чистотой и блеском, а не с грязью, пылью и бесконечной производственной морокой.

Одной из тем, которую Каменев продвигал в направлении создания современного облика компании, был проект горо-

да будущего, который должен был появиться в суровых условиях Заполярья. Место такому экогороду находилось в глубине алмазоносных карьеров, над которыми было необходимо воссоздать прозрачный купол, способный оградить город будущего от лютых морозов и создать условия для комфортной, абсолютно полноценной по современным запросам жизни, прибыльного бизнеса по разработке ИТ-технологий, робототехники, биотехнологий и инновационного использования алмазов.

Проект был абсолютно новаторским, о нем, прознав, зазвонили средства информации, и это выделило компанию *DiRosa* среди конкурентов, повысив многочисленные рейтинги.

Каменев стал на некоторое время звездой.

К Каменеву потянулись креативные люди со всего света. Предлагали многое – все что угодно для развития, но главенствующей оказалась идея *NASA* о развитии космических технологий создания человеческих поселений на Луне и Марсе. Забрехали коммерчески разумные параметры проекта, и идея ожила, стала осязаемой и даже, вдруг показалось, вполне реальной.

Скептики, как только заходила речь о городе будущего, спешили охладить пыл и обесценить идею простым аргументом: а не проще ли вывезти всех мучающихся в Заполярье граждан к теплему морю и этим тему закрыть, оставив в покое вечную мерзлоту. Каменев в этом случае глубоко и тя-

гостно вздыхал, отвечая неразумным оппонентам, что жить у моря, конечно, здорово, но в этих благословенных краях невозможно получить ресурсы для развития, которые глубоко упрятаны на шельфе северных морей и замерзшей стылой земле за Полярным кругом. И вот если эти ресурсы нам необходимы, нам следует думать о тех, кто будет их осваивать, и о том, как после себя не оставить грязную помойку.

Столь необычная идея экогорода родилась в архитектурном бюро Марии Степновой, красивой решительной сибирячки из далекого Братска, отчаянно пытавшейся раскрутить свое бюро и от проектирования дачных домов и загородных коттеджей перейти на новый уровень современных мегаполисов и зданий в стиле хай-тек.

Мария пятый год пыталась выжить в столице, но крепость сибирского духа, энергия пришельца и мощное женское обаяние только-то и позволили немного встать на ноги и из съемной двушки с сыном перебраться в свою небольшую квартирку в далеком спальном районе Москвы.

После встречи Каменева с Марией его жизнь преобразилась: в деятельности компании появилась столь нужная всякому живому делу мечта, а в жизни мужчины появилась та женщина, ради которой хотелось реализовать любой ее порыв и сделать обязательно счастливой. И здесь Каменеву удалось соединить два стремления в одно: они вместе с Марией взялись строить планы о городе их мечты, о городе, который может изменить горно-геологическую компа-

нию *DiRosa*, превратив ее в экологическую и промышленную структуру нового столетия. Мечту, ради которой хотелось жить, творить, рисковать и созидать.

Новое направление смены имиджа компании, превращение ее в ультрасовременную научно-производственную и интеллектуальную систему Каменев после долгих дискуссий ввел в стратегическую программу развития *DiRosa*, испытав поначалу нешуточное давление акционеров.

«Старики» ворчали, с трудом воспринимая аргументы «внучков», возражали: зачем что-то менять, когда и так все прекрасно, а главное, дивиденды из года в год растут, неуклонно и внушительно пополняя доходы акционеров алмазного бизнеса.

Дискуссия длилась долго, и старые заслуженные члены исполнительного совета, поначалу морщась и чертыхаясь, все же признали инновационную роль новой идеи и в конце концов согласились. Определенную роль в принятии решения сыграла довлеющая над акционерами многотрудная задача по рекультивации земель на местах добычи алмазов. Яростная дискуссия привела к решению, что, если идея и не будет реализована, все же на этапе обсуждения и продвижения придаст бизнесу имидж компании нового типа, отодвинув реальную проблему восстановления нарушенных земель на второй план.

АВАРИЯ НА ШАХТЕ «МИР»

Темой разговора на внеплановом совещании в этот раз были не текущие дела компании, которые могли потребовать принятия быстрых решений и активных действий: ситуация имела все черты жесткого форс-мажора, вызванного тяжелой аварией на шахте.

Оглядев поспешно собранных руководителей подразделений и отделов, Каменев отметил с удовлетворением верный настрой большинства, наличие сосредоточенности. Известие о событиях на руднике уже просочилось, словно вода, через лопнувшие швы обшивки, потерпевшего катастрофу корабля. Теперь каждый из собравшихся в кабинете размышлял о возможных решениях и последствиях, и тех усилиях, которые следовало предпринять вверенному ему подразделению.

Несколько успокоив дыхание после стремительного спурта по лестнице нижнего этажа офиса, Каменев стремительно вошел в кабинет и начал с ходу излагать свалившуюся за текущие сутки проблему:

– Коллеги, к нам пришли сведения об аварии на шахте «Мир»: есть погибшие. Пока неясно их число, но все обстоятельства таковы, что жертв избежать, очевидно, не удастся – авария очень серьезная. Из карьера, который, как вы знаете, уже не отрабатывается, но заполнен грунтовыми водами, в горную выработку, расположенную ниже дна карьера, прорвались сернистые воды и затопили весь горизонт и ча-

стично ствол шахты. На данный момент число не поднятых на поверхность горняков равно девяти. Это члены дневной смены. Также затоплено оборудование. Местами выработка обрушилась. Из предварительного анализа следует, что на месте руководством шахты могли быть допущены серьезные нарушения технологии. Вот посмотрите, что показывают ТВ-каналы про аварию.

Каменев включил огромный плазменный экран на стене, и над всеми навис насупленный сосредоточенный Министр Обороны страны. Как всегда спокойный и даже флегматичный, министр произносил не совсем привычные для окружающих слова. Каменев было решил переключить канал, выискивая нужную информацию, но слова, сказанные высоким чиновником, заставили задержать внимание:

«Выскажу мысль, которая, думаю, многим не понравится. Мне кажется, человечество семимильными шагами идет к собственной гибели. И причина тому – безудержное стремление к потреблению. Избыточное потребление увеличивает расход ресурсов в геометрической прогрессии...

...Я мечтаю о том, чтобы однажды все поняли, что пора остановить эту безумную гонку потребительства, или она сожрет нас и будущее наших детей с потрохами».

На заседании воцарилась глубокая тишина, затем кто-то закашлялся, а заместитель Каменева Сердюков, оглядев бегло присутствующих, потянул рукав пиджака и невольно убрал с глаз часы стоимостью, равной годовому бюджету на-

селенных пунктов современной России.

Каменев оценил ситуацию и, усмехнулся задорно, понимая, какие чувства могут вызвать среди присутствующих слова высокопоставленного члена Правительства, переключил канал.

Ведущий центрального канала комментировал кадры с шахты и улиц северного города:

«По результатам предварительного анализа происшествия, наиболее вероятной причиной аварии на руднике “Мир” стало неконтролируемое увеличение водопритока из чаши отработанного карьера в подземный рудник вследствие размыва вмещающих горных пород в карьере. В компании уточнили, что на момент аварии на руднике находился 151 горняк, 142 из них подняты на поверхность. Спасательная операция продолжается. Ситуация серьезно осложнена тем, что подземные воды, ворвавшиеся внутрь горной выработки, чрезвычайно ядовиты».

– Тут нас еще шадят, а вот как излагает Евроньюс, – прокомментировал сообщение Каменев:

«Случившаяся авария продолжает череду происшествий со смертельным исходом, преследующих трубку «Мир». Ясно, что работы на руднике ведутся с нарушениями технологии и безопасности. В результате гибнут люди, дети вновь остались без родителей. Очевидно, что “Мир”, скорее всего, остановится, если не насовсем, то надолго. Есть сведения о возможном нарушении безопасности при производ-

стве работ. Компании «DiRosa» придется столкнуться с потерей 11% своих алмазов, которые она получала с этой трубки. Предполагается, что компания сможет компенсировать потери прежде всего за счет увеличения добычи на соседнем руднике. Это возможно, но при условии, что и там не случится подобной аварии с человеческими жертвами. Как результат сегодняшних событий акции компании на Лондонской бирже упали сразу на десятки пунктов, и падение продолжается. По нашему сведению, руководство компании упорно придерживается версии о чрезвычайных условиях добычи. Но разве блеск алмазов стоит стольких человеческих жизней? Не пора ли остановиться?»

На экране мелькали кадры с места событий: горняки с сумрачными, усталыми перепачканными лицами, озабоченные спасатели и растерянные в слезах родственники горняков, множество машин скорой помощи и горноспасательного подразделения. Не остался без внимания журналистов и немногочисленный пикет у здания администрации с резкими лозунгами прекратить опасное производство и перестать глумиться над людьми ради удовлетворения тщеславия власть имущих и добычи брюликов для богатеньких дам.

– Вот, за нас уже все решили и, как всегда, смешали божью благодать с напастью. Видимо, кто-то будоражит народ и сливает информацию из администрации, – Каменев в отчаянии пристукнул по столу ладонью и тяжелым взглядом

оглядел присутствующих.

– Иван Сергеевич, – обратился Каменев к заместителю по производству Сердюкову, – как такое могло произойти? После запуска подземного рудника рядом с карьером это уже четвертое событие с человеческими жертвами за пять лет. Мне казалось, что были проработаны все варианты повышения безопасности, привлечены сотрудники и оборудование, компетентные специалисты из Академии наук, профинансированы наши научные подразделения, разработаны системы защиты от подземных вод.

– Станислав Олегович, все события связаны с крайне сложными условиями проведения работ. На подземные коммуникации оказывают давление скапливающиеся в карьере агрессивные подземные воды, насыщенные сероводородом, которые не всегда удается откачивать и поддерживать на минимальном уровне. Мы делаем все, что можем в данной ситуации, но пластовые воды, изливаясь, разрушают стены карьера, происходят обрушения.

– И еще важно понимать – есть ли шансы спасти горняков, оставшихся в шахте? Что думаете об этом? – продолжал нагнетать Каменев. Лицо его в этот момент действительно приобрело черты каменного изваяния: губы сжаты и только набухшие желваки и жилы на лбу выдавали степень напряжения.

– Шансы очень малы, я бы сказал, ничтожны. По поступившим с рудника сведениям, водой заполнен весь горизонт,

а, учитывая, что подземные воды насыщены сероводородом, даже если остались незатопленные участки и люди сумели в них попасть, они, к сожалению, погибли от удушья или попросту отравились.

Каменев представил последние мгновения жизни оказавшихся в ловушке крепких мужчин, которых только утром проводили из уютных квартир, в которых остались самые родные им люди, в шахту: грохот обрушившейся кровли, темная удушливая, поглощающая пространство ревущая воющая ледяная вода, треск и искры от замыкания электрических контактов, воющая сирена, мигание подслеповатых ламп и... бесконечная крошечная темнота и ледяной холод...

«Надеюсь, они погибли, не сильно мучаясь», – пронеслось в голове, но, сосредоточившись, Каменев резко бросил в сторону помощника:

– План ликвидации аварии проконтролируйте лично на месте. По приезде доложите, – оглядев съездившегося под взглядом заместителя, резко бросил Каменев и подумал: «Пусть немного протрясется, а то прилип к креслу в московском офисе и только теннисом, сауной и девочками занимается в последнее время. Вернется, нужно будет поговорить с ним жестко, если справится с ситуацией, ну, а если нет, придется уволить».

Сердюков, уловив раздражение шефа, побагровел и тут же вскочил, зная по опыту, что команду, отданную в столь рез-

ком тоне, следует исполнять незамедлительно.

– Тогда я отправляюсь, Станислав Олегович? Прямо с утра?

Каменев, едва сдерживаясь от нахлынувшего раздражения, процедил сквозь зубы:

– Дайте команду в авиакомпанию, пусть готовят борт сейчас же, да подумайте, что взять с собой. Медиков, медикаменты какие, а также людей, которые потребуются на месте, специалистов по безопасности, спасателей, толкового психолога. Будьте готовы перевести деньги для поддержки пострадавших и их семей. Завезите через отдел снабжения в магазины Мирного спелых фруктов, качественных продуктов по фиксированным ценам. Нам нужно максимально снизить негативный фон этих событий. Первый отчет мне на стол сразу после прибытия на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.